

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ПОСЛЕ БОЛЬШОГО ПОХОДА

<i>Глава 1.</i> А меня здесь очень не любят!.....	5
<i>Глава 2.</i> Советы.....	22
<i>Глава 3.</i> Город в огне.....	45
<i>Глава 4.</i> Дела хозяйские.....	62
<i>Глава 5.</i> В Болгарию.....	75
<i>Глава 6.</i> Назад с боем.....	102
<i>Глава 7.</i> В поместье.....	120
<i>Глава 8.</i> Родственники пожаловали!.....	136
<i>Глава 9.</i> Дома.....	151
<i>Глава 10.</i> Металл, бумага и чернила.....	155
<i>Глава 11.</i> Конец Клеща.....	175

Часть II. ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЛИХОЛЕТЬЯ

<i>Глава 1.</i> Весна в поместье.....	197
<i>Глава 2.</i> Или султан помрет, или осел издохнет... ..	210
<i>Глава 3.</i> Нарвская крепость.....	228
<i>Глава 4.</i> У эстов.....	239
<i>Глава 5.</i> Бой у городища.....	252
<i>Глава 6.</i> С наскока.....	265
<i>Глава 7.</i> Бой в лесу.....	279
<i>Глава 8.</i> Отбились!.....	295
<i>Глава 9.</i> Последние караваны.....	317
<i>Глава 10.</i> Последняя зима лихолетья.....	334
Заключение.....	346

Часть I ПОСЛЕ БОЛЬШОГО ПОХОДА

Глава 1 А МЕНЯ ЗДЕСЬ ОЧЕНЬ НЕ ЛЮБЯТ!

Как бы ни хотелось Андрею пройти мимо Новгорода без остановки, а все же не проскочить его речному каравану незаметно. Да и как не отдать дань уважения нынешней городской власти? И от княжеской верхушки с уходом Михаила Черниговского кто-нибудь все равно здесь непременно должен был быть. Как говорится — свято место пусто не бывает.

Вот уже третья неделя, как караван бригады, возвращаясь из дальнего похода в Эстляндию, шел по северному речному пути. Позади остались Вотский залив Балтики, Нева и Ладога, а до стольного города уже было меньше суток спокойного хода. Проплывающие по обоим берегам Волхова картины Водской пятины глаз не радовали. Всегда такие полнолюдные деревеньки и хутора выглядели сейчас как после большого вражеского нашествия. Всюду теперь царило столь непривычное для этих обжитых мест запустение.

Крайняя неухоженность была видна буквально во всем. Пустые селища открывались черными остовами от сгоревших изб, поваленными заборами да разметанными соломенными крышами. Поля вокруг них засеяны не были. Все продухи и двери у брошенных жилищ — нарасхлебянь, ни человека, ни скотины. Одно лишь черное воронье и тишина.

— Плохо-то как! — качали головой пожившие уже свое вои. — Вона все побросали хозяева, похоже, что в Новгород али даже на Ладогу отсель они подались. А чего, есть-то ведь людям что-нить нужно? А тут вона что, ажно всю кору вокруг своих селищ на деревьях объели! Худо, ээх худо как! Семя-то в землю об этом годе и вовсе даже не легло, небось и не было у селян того самого семени! И чего теперь только весь наш люд делати будет? А лето-то какое нонче стоит доброе, не лето, а просто сказка. Жаркое. Ветров совсем мало, а дождик ежели и идет, то так, только изредка, да и то, он словно бы парное молоко после дойки — тепленький. Вот бы земля уродила ржи с овсами да ячменя еще, знай себе не ленись, жни и все в снопы собирай. Так нет же, нечего ведь было сажать нонче людям. Все, что и было у них, давно уже за зиму подобрали, из амбаров до малого зернышка подвымели. Ох и худо, братцы!

Ночевали за Захарьино. Разложили костры на опушке сосняка возле большого ручья и поставили распаривать в котлах дробленый ячмень. Зерно это капризное, и времени на его готовку нужно было тратить много, ну да ничего, спешить-то пока все равно было некуда. Добавили в крупя-

ной вар из больших кругов топленого сала, закинули ароматной травки и лука, а потом все это немного подсолили. На свежем-то воздухе ох и скусная эта еда!

— Иванович, там ребятки с тайного дозора из кустов на опушке соглядельников вытащили, сейчас их к тебе подведут, — доложился Варун. — Тихонько они там сидели, хорошо эдак скрылись, видать, что из местных. Знали, как чужому человеку глаз от себя отвести. Однако и наши уже наострились, опыта-то у них вона сколько — годами да по самым разным лесам ужом ползать.

Перед Сотником стояли три худых и испуганных мужика. На одном из них был рваный зипун, а двое остальных были в холщовых рубашках и в драных портах. Стоя в кругу оружных воинов, они с опаской озирались по сторонам.

— Вот, господин подполковник, у них это все отобрали. Тот, что в зипуне, отдавать свое миром не хотел, топориком даже успел на меня замахнуться, — доложился Лютень и положил на землю плотницкий топор, большой ржавый нож да пару копий с самодельными широкими, продолговатыми наконечниками.

— Из разбойных, что ли? — нахмурившись, спросил Андрей, внимательно оглядывая мужиков.

— Чего сопите, а ну отвечайте, когда вас добром спрашивают?! Пока добром, — подчеркнул Варун и, вынув кинжал, несколькими ударами заострил небольшой колышек.

— Не разбойные мы, а чай уж, на своей-то земле тут нонче стоим, на нашей, Захарьинской! —

скрипучим голосом пробурчал тот, что был в зипуне, и как видно, самый старший из всей этой троицы. — И неча нас здесь пугать, дядя, пуганые мы, ужо бояться всего устали!

— Ну а коли ваша это земля, а вы на ней хозяйева, и ежели не боитесь ничего, так прятались-то почто от нас и чего выглядывали из лесных кустов тайно? — задал им резонный вопрос Сотник. — Вышли бы к нам по-людски, так мы бы вас еще и одарили как тутошних хозяев, по обычаю, из вежества, и за то, что заливной покос вам здесь помяли. Звать-то вас как? Хозяева...

— Время ноне злое, воевода, — немного помолчав, ответил за всех старший. — У кого силы больше — тот, значит, сейчас и прав. Не до вопроса нам, жизнь бы только сохранить, свою да своих близких. Завидом меня кличут, а это Незнанко и Тешень, вот так, стало быть.

— Голодные, небось? Давно уже не ели? — Андрей отметил, с каким жадным интересом мужики глядели на парящие над кострами котлы.

— Да, а кто же нонче сытый-то, воевода? Это если только у дружинных живот к хребту не липнет. Все же остальные давно с голодом в обнимку спать ложатся. А многие так уже и вовсе и не проснутся никогда. В эту зиму более половины селища схоронили, и как дальше выживать, того и вовсе мы не ведаем.

Был тайный упрек в словах этого крестьянина. Понимал Андрей, что нет его вины в постигшем Северную Русь природном бедствии, однако все одно было ему сейчас очень неуютно под взглядами этих голодных и грязных мужиков.

Как будто бы сам лично не уберег он их вместе с семьями. И, тяжело вздохнув, Сотник махнул рукой:

— Проходите к нашим кострам, православные, покормят вас там дружинные, обогреют, а потом и с собой для ваших семей снеди дадут. Проводишь их к своей сотне, Лютень? — кивнул он командиру дозорного десятка. — И оружие свое ржавое пускай тоже с собой забирают. Потом, как они уже до дома соберутся, ты их к Лавру Буриславовичу перед самым уходом подведи. Лавруш, выдели ты им по мешку пшеницы с тех трех ладей, что мы к себе сейчас тянем. Чай, уж не обеднеем с тех восьми ну или девяти пудов?

— Да нет, чего уж там, не жалко для страдальцев, конечно, отсыплем, — кивнул заместитель Сотника по тылу. — Лишь бы донести их смогли, вон ведь как исхудали, одни кости с кожей на телесах остались.

— Эти донесут, — покачал хмуро головой командир. — Их там дома близкие ждут. Только надолго ли вот им этой пшеницы хватит? Впереди ведь еще такие же два черных, худых года.

* * *

Новгород открылся длинными, вытянутыми по берегам реки посадами. Зиял он проплешинами от выгоревших изб, покосившимися и поваленными заборами дворов да порушенными усадьбами. Караван прошел мимо Готского двора, Ярославского дворища и Торга с тянущимися

по обеим сторонам реки вереницами пристаней. Раньше тут и протолкнуться-то было негде, все сплошь заставлялось ладьями, лодками и всевозможными суденышками. На этот же раз пристани пустовали, только у Готского двора шла погрузка на два широких судна, да на княжьей пристани стояли под охраной двух десятках воев три боевые узкие ладьи.

— Эй, Андреевские, чаво вы сюды-то не пристаєте? Все бы вам под мостом надобно шлындать! Работу честному люду мешаете делать! — Мужик в грязной и рваной рубахе и в таких же истрепанных портах, со включенной бородой вбил топор в мостовую опору и свесился вниз, внимательно разглядывая проплывающие под ним суда.

— Видать, как вы здесь работаете! Цельный год уже миновал, как вот энтот мост починить не можете! Как туды, на Колывань, мы по большой воде шли, так и обратно к концу лета вот уже возвращаемся, а вы все с тем же, что и ранее, возитесь. Работнички, чтоб вас! — выкрикнул главный ладейщик бригады Боян Ферапонтович и чуть подправил рулевое весло у кормчего. — Левее, левее бери тут, Еремка! Не видишь, что ли? У них тут свая старая во-он там, на чуток из воды торчит. Зевнешь — и вмиг ей борт судна пропорешь!

— С такой-то едой и еще три раза по столько же его ладить мы будем! Мост-то энтот Великий, через сам Волхов-батюшку перекинут, а не через какой-нибудь там грязный Олений ручей! — пробурчал сосед говорливого плотника и начал забивать большую кованую скобу в балку.

Пятнадцать ладей бригады прошли под Великим мостом и четырьмя верстами ниже пристали к небольшому причалу у Рюрикова городища. Именно на этой возвышенности и была в свое время построена крепость этого былинного князя. Сейчас же тут возвышалась Благовещенская церковь, виднелись торговые склады, стояло несколько крепких и пока не порушенных чернью усадеб зажиточных купцов, а возле самой пристани была раскинута большая поляна. Городище Сотник выбрал совсем не случайно. Оно более всего подходило для того, чтобы остановиться в нынешнем мятежном и беспокойном городе. Место это было возвышенное, со всех сторон его окружала вода, и располагалось оно как бы на большом острове. Оборонять такое было гораздо удобнее, чем обычное и открытое место в самом городе. Видать, оттого здесь и не было того разорения, которое все наблюдали, проходя мимо городских посадов и улиц. Порядок тут был. На пристани стояли три хозяйские ладьи, а по их крепким дубовым бревнам прохаживались вои в остроконечных шлемах с копьями.

— Кто такие? Чаво вам тут нужно?! Кто вас сюда звал?! — Здоровенный десятник, широко расставив ноги, глядел из-под ладони на переднюю ладью, а за ним уже выстраивался со щитами весь его десяток.

— Свои, Томила, свои! Я звал! Андреевские назад возвращаются, не признал, что ли, ты их дружину? — на причальный помост заскочил Путья. — Сюды давай правьте, сюды, Боян Фера-

понтович! Судов на пристани нынче совсем мало, так что всем вам здесь места хватит!

— Ну здорово, медведь! — И выскочившие первыми на бревна помоста Тимофей с Варуном крепко обнялись со своим старым другом.

— Строго у вас здесь, как я погляжу, не забалуешь! — спрыгнувший следом Андрей кивнул на сошедший с причального помоста десяток стражников.

— Да потому-то, наверное, и живы мы до сих пор, — вздохнул купец. — Раз пять уже набегали к нам разбойники с города. Вот только две недели назад насилу мы от них отбились. Клещевские это были, совсем они уже всякий страх потеряли, ничего теперь не боятся! Даже уже днем, при свете, в открытую на своих лодках переправились к нам с Людиного конца. Управы на них совсем уже нынче нет. Новая городская власть ссориться с разбойниками не желает, а может, и специально их покрывает или даже и вовсе в доле состоит. Так что только вот так, словно бы в осаде и прожить-то теперича можно. К нам сюда много уже крепких людей из города перебрались. Твой зятек Артем во главе сборной большой сотни тоже ведь здесь и как бы за воеводу у нас. Владыку же выгнали, а его люди кто куда потом разбрелись. С полсотни Арсеньевских воинов сюда к нам со своими семьями пристали. Теперь вот, с вашим приходом, нам совсем уже хорошо будет. Никто сюда не посмеет сунуться. Надолго ли вы, Андрей? — И он пытливо посмотрел на друга.

Сотник только лишь пожал плечами:

— Да как знать, Путят, как там у нас сложится с местной городской головой? Князя-то в городе сейчас нет. Михаил Всеволодович, он хоть, конечно, и не Ярослав, а все же воинского духа человек. Не то что все эти нынешние люди, кто сейчас от его имени правит! — И, обернувшись, он махнул рукой своему заместителю по тыловой части: — Буриславович, вот прямо тут, на этой пристанской поляне, наших людей размещайте. Погода пока добрая стоит, ну вот и нечего нам за частоколы в усадьбы лезть, и тут у реки всем хорошо будет! Филат Савельевич, Тимоха, — кивнул он друзьям, — караулы расставляйте, как в боевом походе, сами своими ушами вы слышали, что нам здесь Путята рассказывал.

— Все переключаем, Иванович, не беспокойся! — заверил его первый заместитель. — И сторожу, и секреты, как надо, расставим. И пластунам я скажу, чтобы они по берегам Волхова хорошо эдак пробежались.

— Ну, пошли уже ко мне, — потянул комбрига за руку Строков. — Посидим там рядком да поговорим ладком. Тихонько, так, чтобы чужие уши нас не слышали. Много у меня для вас интересного из новостей будет, братцы. Да и вы, может, расскажете мне тоже чего-нибудь? Хотя все вести про вас уже быстрее вон ваших ладей сюда долетели.

— ...ну а потом, как мы Нарвскую крепость сожгли со всеми тамошними душегубцами, что там наших раненых и плененных замучили, оставили мы в ней свою сотню под командой Захара Игнатъевича. Еще три сотни псковских ополчен-